

РЕЦЕНЗИИ. ПОЛЕМИКА.
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

В. А. Кучкин

АНТИКЛОССИЦИЗМ

(Клосс Б. М. Избранные труды. Том I. Житие Сергия Радонежского. М.: «Языки русской культуры», 1998. — 564 с.)

На фронтисписе книги под весьма эффектной фотографией автора помещена справка о нем, из которой следует, что Б. М. Клосс родился в Москве, прекрасно учился в школе, с ранних лет проявляя большой интерес к математике. Без каких-либо проблем он поступил на механико-математический факультет Московского государственного университета, получил премию на конкурсе студенческих работ, стал аспирантом. В 28 лет Б. М. Клосс уже кандидат физико-математических наук, работает в области теории вероятностей и кибернетики. Почти в сорокалетнем возрасте решил заняться применением математических методов при исследовании исторических источников. Среди его учеников, как говорится в справке, — «пять кандидатов физико-математических и технических наук».

После такой характеристики читатель за фронтисписом, титульным листом и оглавлением книги Б. М. Клосса вправе был бы ожидать теоретических рассуждений относительно классификации письменных источников, оценок их различных особенностей и сложных математических формул, обобщающих такие особенности. Однако ничего этого нет. Математика в книге отсутствует. Есть обычное для гуманитарных работ исследование средневековых текстов. Однако о том, как и почему математик оставил свою специальность и превратился в гуманитария, в справке об авторе ничего не говорится. Между тем об этом зигзаге, так и не объясненном читателям «Избранных трудов», необходимо сказать несколько слов, чтобы было понятно, кто желает видеть в своих работах избранность.

Несмотря на ранние успехи в математической области, в дальнейшем работа там не заладилась, докторская диссертация не была завершена, и Б. М. Клосс решил сменить свою профессию, переключиться на изучение исторических источников. В 1971 г. он был принят на работу в Институт истории АН СССР в лабораторию по применению ЭВМ в исторических исследованиях. Применение математики к историческим источникам также не дало серьезных результатов, зато пленила возможность работы со средневековыми рукописями. Не имея базового образования и профессиональной подготовки, Б. М. Клосс тем не менее с увлечением принялся за дело. Первым объектом его увлеченности оказалась Никоновская летопись и связанные с нею памятники. Хотя летопись получила свое название по имени жившего в XVII в. патриарха Никона, написана она была много раньше. Ее основной список прерывался на рассказе о событиях 1520 года. Для ранней русской исторической науки Никоновская летопись на протяжении долгих десятилетий играла роль первостепенного исторического источника, поскольку отличалась полнотой изложения и содержала уникальные сведения, отсутствовавшие в других известных в ту пору летописных памятниках. Изданная уже в конце XVIII в., Никоновская летопись еще до

своей публикации стала главным источником «Истории Российской» В. Н. Татищева; ей следовал Н. М. Карамзин (особенно при описании тверских событий XIV — первой четверти XV в.); она положена в основу первых томов «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева, который рьяно защищал достоверность ее единственных в своем роде сведений. Однако со второй половины XIX в. в науке все чаще и чаще стали раздаваться голоса о неточности, сфальсифицированности и выдуманности многих известий этого летописного свода. Интерес русских историков-медиевистов к Никоновской летописи стал ослабевать, она стала все реже и реже цитироваться в их работах, а с публикацией в 1913 г. Симеоновской летописи и в 1922 г. Рогожского летописца, памятников более ранних и содержащих многие уникальные сообщения Никоновской летописи в более древней редакции, Никоновская летопись почти не привлекалась при воссоздании картин русского прошлого IX — начала XVI в. Историки не видели смысла заниматься памятником, значительным по объему, тенденциозным по своему характеру, содержащим вымышленные и явно неточные сведения.

Но Б. М. Клосс Никоновской летописью заинтересовался и около 10 лет своей жизни посвятил изучению списков этого свода и памятников, связанных с ним. В итоге он подтвердил высказывавшееся ранее А. А. Шахматовым, А. Е. Пресняковым и Н. Ф. Лавровым мнение, что оригиналом летописи является список Оболенского¹, но не на всем своем протяжении (до л. 1297), а до статьи 1520 года включительно (Л. 1—939). Новое изучение почерков и водяных знаков бумаги этого списка (ранее такое изучение проводилось издателями Никоновской летописи в серии «Полное собрание русских летописей» и Н. П. Лихачевым, специально описавшим филигрانی списка Оболенского), привлечение рукописей второй четверти XVI в., написанных монахами Иосифо-Волоколамского монастыря и лицами из окружения митрополита Даниила, анализ тенденциозных свидетельств Никоновской летописи о церковной собственности привели Б. М. Клосса к выводу, что эта летопись написана в 1526—1530 г. митрополитом Даниилом и его помощниками, обосновывавшими права церкви на земельные владения². Монография Б. М. Клосса «Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков», насыщенная перечнями рукописей, указаниями на содержащиеся в них филигрانی, отождествлениями почерков писцов и определениями конкретных лиц, писавших те или иные манускрипты или части манускриптов, сопоставлениями текстов, в которых показывалось, как при переписке исчезала строка и исчезала именно потому, что в другом тексте она была расположена между двумя одинаковыми словами, и такой пропуск указывал на оригинал переписывавшегося текста, вызвала большой и повсеместный интерес. Кажется, математик раздвинул горизонты исторического исследования, появились возможности более точной датировки рукописей, основанной не только на времени употребления бумаги с определенными водяными знаками, но и на почерках писцов. Заговорили прежние анонимные рукописи благодаря отнесению их почерков знаменитым историческим деятелям. Насыщенной стала биография многих писцов и владельцев рукописей. Стало понятным, кто именно и когда редактировал известные исторические, литературные и юридические памятники. Стала много яснее работа по их созданию, поскольку выявлялись черновые материалы и непосредственные источники, привлекавшиеся в свое время для написания таких памятников. Общие оценки труда Б. М. Клосса, приведенные в рецензиях на его работу, появившихся в СССР и других странах, были весьма высоки и комплиментарны, так же, как очень положительным было негласное мнение специалистов, занимавшихся теми же или сходными проблемами.

Однако с течением времени, когда схлынула эйфория, начали обнаруживаться и серьезные недостатки исследования о Никоновской летописи Б. М. Клосса. Стало очевидным, что всестороннее изучение Никоновского свода, каждой его статьи, с определением источников каждого известия, редакторского изменения текстов этих источников составителями Никоновской летописи, с выявлением уникальных сведений (причем не отдельных, а всех, с установлением степени их

¹РГАДА. Ф. 201. № 163.

²Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 51.

достоверности и возможности применения в исследовательских построениях историков), подменены в монографии историей списка Оболенского — оригинала Никоновской летописи, его использования при создании других памятников русского летописания XVI—XVII в. Поэтому многие единственные в своем роде сведения Никоновской летописи, например, о том, что в 1360 г. князь Всеволод Александрович Холмский «сотвори честь и дары даде Роману митрополиту»³ в то время, когда признанным митрополитом всея Руси был Алексей; что в 1371 г. тверскому князю Михаилу Александровичу, получившему в Орде ярлык на владимирский великокняжеский стол, некие доброхоты из Москвы дали знать о планах Дмитрия Московского схватить и арестовать его⁴; что в 1375 г. Сергей Радонежский начал болеть именно со второй недели великого поста⁵ и т. д., остались не только не разобранными, но даже не упомянутыми. Никоновская летопись содержит многочисленные известия об астрономических явлениях (затмениях солнца, луны, появлении комет и т. п.), которые не зафиксированы в других летописях. Казалось бы, кому, как не человеку, владеющему методикой математических расчетов, не попытаться выяснить, достоверны или нет эти свидетельства Никоновской летописи и, если достоверны, то откуда заимствованы. Однако об этих сведениях Никоновской летописи в исследовании Б. М. Клосса не сказано ни слова.

Пытаясь как можно тверже и обстоятельнее обосновать свой вывод о том, что автором Никоновской летописи был митрополит Даниил, Б. М. Клосс решил идентифицировать автора по стилю. В частности, для этого он выделил из вставных текстов Никоновской летописи цитаты из книг священного писания и сочинений отцов церкви⁶. Такое же выделение было произведено из бесспорных произведений митрополита Даниила и двадцати трех его современников. Сравнение показало, что Даниил в своих сочинениях чаще других использовал цитаты, встречающиеся в Никоновской летописи (72 совпадения из 105). Отсюда последовало заключение, что именно Даниил делал вставки в Никоновскую летопись. При этом совершенно не учитывалось соотношение объемов произведений Даниила, писателя весьма плодовитого, и произведений его современников. Не обсуждался и жанр написанного ими. И если исходить из приведенных Б. М. Клоссом цифровых показателей, то получится, что Максима Грека нельзя отличить от Иосифа Волоцкого, а Филофея от Вассиана Патрикеева. Искусственность подобного приема определения авторства памятника делается достаточно очевидной.

Обнаруживаются ошибки и в определении источников некоторых памятников, рассмотренных в работе Б. М. Клосса. Так, Б. М. Клосс утверждал, что статья 7049 (1541) года Царственной книги целиком выписана из Синодальной летописи⁷. Верно ли это? В рассказе об отходе 31 июля 1541 г. с берега Оки крымского хана в Царственной книге читается следующий текст: «Прииде же на Русскую землю съ великою похвалою и со множествомъ воинства своего, якоже левъ рыкая, хотя похитити христово стадо словесныхъ овецъ, богомъ хранимую державу великого князя Ивана Васильевича, и восхотѣ одолѣти неодолемаго и разорити неразоримое богоматере достояние; превознесе бо ся гордостию...»⁸. В Синодальной же летописи и списанной с нее Александроневской это место изложено иначе: «Прииде же на Рускую землю съ великою похвалою, аки левъ, хотя въсхитити христово стадо словесныхъ овецъ, превознесся гордостию, уподобльшеся

³ПСРЛ. Т. X. СПб., 1885. С. 231.

⁴ПСРЛ. Т. XI. СПб., 1897. С. 13.

⁵Там же. С. 22.

⁶Всего Б. М. Клосс привел 105 примеров цитат из книг священного писания и патристической литературы, содержащихся во вставных текстах Никоновской летописи (см.: Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 121–126). Соотношение между цитатами из библии и сочинениями отцов церкви по Б. М. Клоссу равно примерно 80% и 20% соответственно. Однако точные указания на отцов церкви имеются только в трех случаях (примеры 55, 56, 63). Приведенные Б. М. Клоссом примеры № 26, 30, 33, 40 (дважды), 41, 57, 74, 80, 82, 84, 85, 89, 93, 94 (дважды), 95 (первый пример), 97, 98 (дважды), 99, 100 и 105, т. е. более 20% выборки, не сопровождаются отсылками ни к книгам священного писания, ни к произведениям патристической литературы.

⁷Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 229.

⁸ПСРЛ. Т. XIII. Вторая половина. СПб., 1904. С. 437.

прежнимъ еллинскимъ царемъ, — богы ся называше, а во адъ снидоша»⁹. Становится очевидным, что вопреки утверждению Б. М. Клосса, текст статьи 1541 г. Царственной книги списан не с Синодальной летописи, хотя восходит к ней, а с уже правленного текста. Источник правки может быть указан. Сходный текст читается в статье 1541 г. т. н. «Летописца начала царства»: «царь Крымскый пришелъ ко берегу Оки-рѣкы съ великою похвалою и съ множествомъ въиньства своего, хваляся, якоже левъ рыкая и грозя гонящаго, хотя похытити богомъ хранимую дръжаву великого князя Ивана: зловѣрный же и безбожный царь хваляся одолѣти неодолемаго и разорити неразоримое богоматери достояние...»¹⁰. Подчеркнутые слова и были внесены в окончательный текст статьи 1541 г. Царственной книги. Как известно, последняя представляет собой соединение черновых, подвергшихся редакторской правке листов Лицевого свода, и снятых с этих черновики беловых копий. Надо полагать, что статья 1541 г. Царственной книги написана на листах, представляющих собой беловую копию со списка, снятого с Синодального тома Лицевого свода и подвергнутого дальнейшему редактированию по «Летописцу начала царства». Ясные признаки такого редактирования обнаруживаются при текстологическом анализе других статей Царственной книги. Утверждение же Б. М. Клосса относительно источника статьи 1541 г. этого памятника основывалось на неполном и нетщательном сличении текстов.

Много места в работе Б. М. Клосса было отведено характеристике водяных знаков бумаги, на которой были написаны анализировавшиеся им рукописи. Однако датировка этих знаков производилась не по самым новым (к 1980 г.) филигранографическим справочникам, а по справочникам конца XIX — начала XX в. Для установления более точных дат написания рукописей Б. М. Клосс привлекал печатные издания XVI в., имевшие выходные данные — метод, разработанный на русском материале Т. В. Диановой, вклад которой остался не отмеченным Б. М. Клоссом. Сравнение филиграней рукописей и печатных книг давало возможность уточнять время написания рукописей и характеризовать работу рукописных мастерских и типографий, находившихся в одном центре, например, при дворе московского царя. Однако недостаточное знание исторических деталей даже при правильных филигранографических наблюдениях приводило Б. М. Клосса к неверным выводам. Так, сравнение Б. М. Клоссом водяных знаков бумаги Лицевого свода с филигранями изданной в 1577 г. в Александровской слободе «Псалтырю» Андроника Невежи привело историка к заключению, что бумага, приготовленная для последних томов Лицевого свода, была изъята из царской книгописной мастерской и передана для печатания «Псалтыри» Андронику Невеже, который приступил к работе 20 июня 1576 г.¹¹ Последовал вроде бы логичный вывод о завершении работы над Лицевым сводом к середине 1576 г., поскольку приготовленные для написания свода запасы бумаги оказались не нужными и их можно было использовать на другие цели. Но во внимание не был принят тираж печатной «Псалтыри». Выяснилось, что для него потребовалось бы примерно 140 стоп бумаги, тогда как для всех томов Лицевого свода — не более 25¹². Очевидно, что печатание «Псалтыри» в 1576—1577 г. не было связано с передачей в типографию Андроника Невежи запасов бумаги, предназначенной для написания Лицевого свода и оказавшейся лишней после его завершения. Дата окончания работы над Лицевым сводом становилась иной. Эту и другие алогичности в построениях Б. М. Клосса точно подметил А. А. Амосов, один из разделов работы которого прямо так и называется: «Точный хронологический рубеж: ошибки в гипотезе Б. М. Клосса»¹³.

Не менее пристальное внимание, чем филиграням, в монографии Б. М. Клосса было уделено почеркам. Первоначально указания Б. М. Клосса на то, что некое, даже совсем короткое слово,

⁹ПСРЛ. Т. XIII. Первая половина. С. 110. Т. XXIX. М., 1965. С. 137. Л. 213 (здесь правописание несколько иное).

¹⁰ПСРЛ. Т. XIII. Первая половина. С. 138-139.

¹¹Там же. С. 248-249.

¹²Амосов А. А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного. Комплексное кодикологическое исследование. М., 1998. С. 211, 217.

¹³Там же. С. 205.

(например, состоящее всего из трех букв слово «зри»), написано исторически известным лицом, в частности, митрополитом Даниилом¹⁴, воспринимались с восхищением. Ведь сколько исследователей, и исследователей маститых, держали до Б. М. Клосса ту или иную рукопись в руках, и ни один из них даже не заподозрил, что рукопись содержит автографы известных церковных и светских деятелей XVI в. Но потом стало приходиться некоторое отрезвление. Как человек, не имеющий специальной подготовки, работавший с рукописным материалом недолгое время, в отличие, например, от описывающих в течение десятилетий рукописные собрания Отделов рукописей крупных библиотек и музеев научных сотрудников этих Отделов, не решавшихся точно говорить о принадлежности почерка определенному лицу, — как такой человек видит то, чего не видят поднаторевшие в своем деле специалисты? Ведь характерные черты отождествляемых почерков, как правило, в работах Б. М. Клосса не приводятся. Верить в тождество приходится на слово. Но даже при признании абсолютной верности всех прокламируемых Б. М. Клоссом идентификаций, в его палеографических наблюдениях над почерками рукописей остается крупнейший изъян, который ничем не может быть восполнен. Дело в том, что большинство рукописей конца XV — первой половины XVI в., которые анализирует Б. М. Клосс в своей монографии о Никоновской летописи, являются акцентованными. Б. М. Клосс никогда не описывает строчных и надстрочных знаков в рукописях и никогда не использует таких данных для установления тождества почерков. Здесь сказывается отсутствие профессиональной подготовки. Нечего и говорить о том, что Б. М. Клосс не в состоянии анализировать акцентные системы писцов рукописей, которые для отождествления писавших дают материал не менее показательный, чем начертания отдельных букв.

Так обстояло и обстоит дело с книгой Б. М. Клосса о Никоновской летописи. Казалось, что после ее защиты в качестве докторской диссертации автор уже в новом качестве вернется к знаменитому летописному своду и восполнит те существенные пробелы в характеристике известий и целых статей памятника, о которых говорилось выше. Этого, однако, не произошло. Оставив тему, по которой у него были и наработки, и многие удачные наблюдения, сменив даже эпоху — XVI столетие, Б. М. Клосс счел, что теперь он в состоянии решать если не все вопросы в исторической науке, то в текстологии абсолютно все, и решил исследовать русские агиографические сочинения. Что толкнуло на такой выбор человека, ранее агиографией не занимавшегося, сказать сложно. Будущие историографы, вероятно, сумеют связать это с теми крупными общественными изменениями, которые начались в нашей стране в 1985 г. и которые привели многих к перемене своих представлений и мыслей на диаметрально противоположные. Но как бы там ни было, выбор был сделан и пал он на Житие Сергия Радонежского.

Этот памятник русской агиографии — один из самых сложных, если не самый сложный среди всех агиографических сочинений русского средневековья. Представленное огромным количеством списков, что само по себе требует колоссального времени на их перекрестное сличение и установление последовательности различных переделок жизнеописания Сергия, Житие основателя подмосковного Троицкого монастыря изобилует такими подробностями из жизни Сергия, которые исключают одна другую.

Так, одни списки Жития утверждают, что у Варфоломея (будущего Сергия) было два брата: старший Стефан и младший Петр; другие списки называют только одного старшего Стефана. Одни списки сообщают, что грамоте Варфоломея научил некий старец, случайно встреченный им в поле; другие местом встречи называют лес, запечатленный, кстати говоря, на известной картине М. В. Нестерова «Видение отроку Варфоломею». В одних списках указывается, что Варфоломей постригся в монахи 20 лет; другие списки возраст молодого монаха определяют по-иному — 23 года. Одни списки утверждают, что церковь Троицы Сергий строил вместе с братом Стефаном; другие — что Сергий строил церковь один. В одних списках говорится, что Спасо-Андроников монастырь в Москве был основан по инициативе ученика и земляка Сергия, монаха Троице-Сергиева

¹⁴Ср.: Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 90–91.

монастыря Андроника, другие — по обету митрополита всея Руси Алексея. Основателем другого московского монастыря — Симоновского — одни списки называют того же митрополита Алексея, другие — Алексея и великого князя Дмитрия и добавляют, что новооснованный монастырь получил особую грамоту константинопольского патриарха Нила. В одних списках рассказывается о том, что Сергей ушел из Троицкого монастыря на Киржач, чтобы найти там уединение; другие причиной ухода называют ссору Сергия со старшим братом Стефаном. Одни списки утверждают, что Сергей умер, когда ему было 70 лет; другие — что ему было 73 года. Житие Сергия говорит, что Сергей был похоронен в основанной им церкви Троицы, но не сообщает, кто его отпевал, а Похвальное слово Сергию утверждает, что Сергей завещал погребсти его вне церковных стен и потребовалось вмешательство митрополита Киприана, чтобы похоронить Сергия внутри церкви, где его отпевал сам Киприан. Необходимо было не только объяснять, как и почему одна черта жизнеописания Сергия заменялась другой, необходимо было вникать во все обстоятельства событий XIV века (времени жизни Сергия Радонежского) и XV столетия (времени создания его Жития), чтобы объективно разобраться во всех хитросплетениях текстов, определить древнейшие и наиболее достоверные, воссоздать биографию Сергия по его Житию и скорретировать ее по другим источникам, а затем оценить его деятельность в целом.

Как же справился с этими задачами Б. М. Клосс? Даже поверхностное знакомство с новым трудом Б. М. Клосса оставляет впечатление, что работа написана в каком-то средневековом склепе, где нет и не было ни необходимых книг, ни журналов с нужными статьями, ни каких-либо справочных пособий. О времени со второй четверти XIV в. по середину XV в., когда жил Сергей Радонежский и когда много писали о нем, существуют просто горы научной литературы. То был период бурного роста Московского княжества, превратившегося в безусловную основу будущего Русского государства, период активной борьбы с татаро-монгольским засильем, ознаменовавшейся историческими победами над Ордой на Воже и Куликовом поле и жестоким поражением от Тохтамыша в 1382 г., укреплением московской великокняжеской власти, усилением ее влияния на церковь, изменением структур русского средневекового общества, в частности, ростом монастырей; подъемом градостроительства, появлением большого количества новых памятников литературы и искусства, расширением международных контактов, установлением родственных связей московского правящего дома с великими князьями Литвы и византийскими императорами. Пожалуй, ни об одном другом переломном моменте в развитии средневековой Руси не написано так много, как об этом времени. Многочисленные труды посвящены и непосредственно Сергию Радонежскому и основанному им Троицкому монастырю, в которых исследователи, споря между собой, выясняют мельчайшие детали в биографии Сергия и в начальной истории Троицкого монастыря. Но внимания Б. М. Клосса удостоивается лишь мизерная часть этой огромной литературы, да и на эту мизерную часть далеко не всегда приводятся ссылки.

Введение к «Избранным трудам» включает в себя не обоснование проблемы, которую, как правило, намечает перед своими читателями и хочет разрешить исследователь, а краткие историографические заметки. Историю изучения Жития Сергия Радонежского Б. М. Клосс начинает почему-то с книги В. О. Ключевского 1871 г. Однако при анализе творчества Епифания Премудрого и Пахомия Логофета, которые писали о Сергии Радонежском, В. О. Ключевский ссылался на труды Ф. И. Буслаева¹⁵, Макария и Филарета¹⁶, «Историю русской словесности» С. П. Шевырева¹⁷, работу А. В. Горского¹⁸, справочник Амвросия¹⁹, «Словарь» Евгения (Болховитинова)²⁰, издания

¹⁵Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 90, примеч. 1.

¹⁶Там же. С. 92, примеч. 1.

¹⁷Там же. С. 103, примеч. 1.

¹⁸Там же. С. 104, примеч. 1.

¹⁹Там же. С. 109, примеч. 1.

²⁰Там же. С. 113, примеч. 1.

текстов в «Памятниках старинной русской литературы»²¹. Все эти работы Б. М. Клоссом не изучены, и он не знает, как возникли и на чем были основаны утверждения, которые сам же использует в своих «Избранных трудах», заимствуя их не у авторов этих утверждений, а у позднейших исследователей в их пересказе. В результате исчезает возможность научной, объективной характеристики тех достижений, которые внес тот или иной ученый в разработку интересующих Б. М. Клосса вопросов, поскольку оказывается неизвестным, с чего такой ученый начинал, что было сделано до него. Так, В. О. Ключевский, по Б. М. Клоссу, установил, что текст епифаниевского Жития Сергия Радонежского сохранился в Пространной редакции (редакция Е по позднейшей классификации В. М. Яблонского, принятой и современными исследователями — В. К.), что были лишь две переделки Жития, предпринятые Пахомием Логофетом, что исследователь постоянно ошибался, неверно принимая за год кончины настоятеля Троице-Сергиева монастыря Зиновия 1443 г. вместо 1445 г., список Жития Сергия Радонежского из сборника № 746 библиотеки Троице-Сергиева монастыря считал одним списком памятника, тогда как речь должна идти о двух списках; неправильно определял время работы над текстом Сергиева жизнеописания Пахомия и т. п.²² Но то, что в Пространной редакции отразился более полный и первичный текст Епифания Премудрого, было известно еще задолго до исследования В. О. Ключевского²³. Заслугой В. О. Ключевского является указание на части этой редакции, написанные Пахомием Логофетом, и это он признавал новой, более пространной редакцией по сравнению с т. н. «вторым пахомиевским пересмотром» Жития Сергия²⁴. В. О. Ключевский ставил также вопрос о создании Пахомием Логофетом проложной редакции Жития Сергия и достаточно подробно характеризовал редакционную работу сербского монаха²⁵. Именно к В. О. Ключевскому восходит утверждение, что «первый пересмотр» Пахомием Жития Сергия Радонежского, написанного Епифанием Премудрым, относится ко времени настоятельства в Троице-Сергиевом монастыре Зиновия, что принимает и сам Б. М. Клосс²⁶. Таким образом, вклад В. О. Ключевского в изучение произведений Епифания Премудрого и Пахомия Логофета, посвященных Сергию Радонежскому, был гораздо обширнее и ценнее, чем это рисует автор «Избранных трудов».

Неточны и неполны оценки во Введении и других предшественников Б. М. Клосса. «По мысли Н. С. Тихонравова, — пишет он, — список Троиц. № 746 как раз и представляет Епифаниевскую редакцию Жития Сергия Радонежского»²⁷. На чем основывалась мысль Н. С. Тихонравова, Б. М. Клосс не разъясняет. А если нет разъяснений, то у читателя невольно возникает образ многоученого мужа, который восседает за письменным столом, но почему-то не изучает нужные ему исторические источники, а посматривает то в окно, то на стену, то в потолок и там находит ответы на вопрос, кто именно написал ту или иную редакцию Жития Сергия Радонежского. При таком подходе утверждения исследователя начинают казаться совершенно произвольными и алогичными, а сама работа по установлению авторства средневекового памятника — смешной, или, во всяком случае, нелепой. Но Н. С. Тихонравов в своем утверждении исходил из заголовка списка Троиц. № 746, в котором говорилось, что Житие Сергия написано учеником Сергия «священноиноком Епифанием»²⁸. Правда, на л. 260 об. — 261 этого списка читается текст, свидетельствующий о написании Жития Пахомием Логофетом, однако Н. С. Тихонравов думал, что данные листы были приплетены к основному тексту позднее, основной же текст ограничивается

²¹Там же. С. 92, примеч. 3.

²²Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 7.

²³[Горский А. В.] Историческое описание Святотроицкой Сергиевой лавры. М., 1842. С. 138–139.

²⁴Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. С. 100, 120.

²⁵Там же. С. 120, 129–132.

²⁶Там же. С. 118, примеч. 1; Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 18.

²⁷Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 7–8.

²⁸Тихонравов Н. С. Древние Жития преподобного Сергия Радонежского. М., 1892. Отд. I. С. 3.

л. 209 – 246 об. Саму редакцию, представленную данным списком, Н. С. Тихонравов называл не Епифаниевской редакцией, как неточно пишет Б. М. Клосс, давая повод думать, что его предшественник не отличал данную редакцию от редакции Е, а краткой Епифаниевской редакцией, второй работой Епифания Премудрого по созданию текстов Жития Сергия Радонежского²⁹.

Относительно исследования В. М. Яблонского Б. М. Клосс написал, что тот «с большинством рукописей... был знаком лишь по печатным описаниям и поэтому не совсем точно, а иногда и просто ошибочно распределил их по редакциям»³⁰. Но по описаниям рукописей почти невозможно составить мнения о редакциях содержащихся в таких рукописях памятников. Священник В. М. Яблонский как исследователь был достаточно ответственен, большинство рукописей он изучал *de visu* и особо оговаривал случаи, когда знал о существовании интересовавших его текстов по описаниям³¹. В. М. Яблонский выдвигал совершенно конкретные аргументы относительно соотношения определенных редакций жизнеописания Сергия Пахомия Логофета³², с которыми сам Б. М. Клосс не согласился, однако в «Избранных трудах» нет не только разбора этих аргументов, но даже нет упоминания о их существовании.

Остальные авторы, изучавшие деятельность Сергия Радонежского и различные редакции его Жития, в историографическом обзоре Б. М. Клосса упомянуты бегло. Последним назван В. А. Грихин, писавший в 1974 г.³³ Более поздние работы на интересующие Б. М. Клосса темы ему неизвестны, в частности, весьма важное исследование Е. Н. Балашовой о стилях Епифания Премудрого и Пахомия Логофета³⁴.

Со страницы 17 начинается исследовательская часть «Избранных трудов». Начинается она с заключительных аккордов. Справедливо написав во Введении, что «от разрешения источниковедческих проблем, связанных с исследованием Жития Сергия Радонежского, теснейшим образом зависит восстановление подлинной биографии преподобного Сергия»³⁵, Б. М. Клосс непостижимым образом начинает свою работу не с «разрешения источниковедческих проблем», а с изложения биографии Сергия Радонежского. Но еще аспирантам и соискателям объясняют, что при работе с агиографическими памятниками необходимо сначала найти их списки, затем описать и классифицировать их, установить последовательность появления редакций, изводов, видов и т. п., выявить древнейшие и только затем извлекать из них материал для исторических построений, в частности, для изложения биографий святых. Если не придерживаться такой последовательности, то исчезает доказательность выбора фактов исследователем, место обоснованности занимает произвольность и общий итог получается недостоверным. Архитектоника научного труда (как необходимой последовательности доказательств) должна быть строго выверена, а не случайна. У Б. М. Клосса архитектоника перевернута с ног на голову³⁶. Поставив телегу впереди лошади, он отправился в путь.

Первая остановка – дата рождения Варфоломея-Сергия. Эта дата в источниках не зафиксирована. Но установить ее можно. Варфоломей получил свое имя, скорее всего, в честь апостола Варфоломея, память которого отмечалась 11 июня. Поскольку в Житии Сергия сказано, что имя

²⁹Там же. Отд. II. С. 191, 192.

³⁰Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 8.

³¹Яблонский В. М. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908. С. 66, текст сноски.

³²Там же. С. 54–57.

³³Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 9, примеч. 7. Указанный в примеч. 6 второй выпуск «Словаря книжников и книжности Древней Руси», вышедший в свет в 1988 г., к исследовательским трудам отнести, естественно, нельзя.

³⁴Балашова Е. Н. Епифаний Премудрый и Пахомий Серб (к вопросу о в формальных характеристиках стиля) // Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях. М., 1985.

³⁵Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 10.

³⁶Правда, первая глава книги Б. М. Клосса начинается с характеристики источников, по которым может быть воссоздана биография Сергия. Называются Похвальное слово Сергию Радонежскому и главные редакции его Жития, однако нет указаний на летописную Повесть о Михаиле-Митяе, письма митрополита Киприана Сергию Радонежскому и его племяннику Федору от 3 июня 1378 г. и от 23 июня 1378 г., некоторые другие источники. Похвальное слово и Житие Б. М. Клосс в этой части своей работы характеризует

младенцу дали «по днехъ шестихъ седмицъ, еже есть четверодесятный день по рождествѣ его»³⁷, то можно вычислить день «рождества» Сергия — 3 мая³⁸. Б. М. Клосс с этим решительно не согласен. «Это рассуждение ошибочно», — утверждает он³⁹. Ошибочно, во-первых, потому, что близкий текст есть в Житии Федора Эдесского: «В четвертодесятный убо день по рождестве принесе младенецъ к Христове церкви», следовательно, в Житии Сергия указание на 40 дней — просто цитата из Жития Федора Эдесского⁴⁰. Во-вторых, Б. М. Клосс привел 38 примеров рождения и крещения детей в княжеских семьях, из которых вытекало, что рождение и крещение происходили или в один день (например, рождение 15 июля 1353 г. у Андрея Ивановича сына Владимира, будущего героя Куликовской битвы) или самое большее через 33 дня (рождение 18 апреля 1474 г. у Ивана III дочери Елены), но никак не через 40 дней⁴¹. Но можно привести еще один — 39-й пример. 15 сентября 1298 г. у тверского князя Михаила Ярославича родился сын, которого назвали Дмитрием⁴². Небесным патроном княжича стал Дмитрий Солунский⁴³. Память Дмитрия Солунского отмечалась 26 октября. Следовательно, от момента рождения до дня святого, в честь которого был крещен первенец Михаила Ярославича, прошло даже не 40, а 42 дня (по включающему счету), т. е. те самые шесть седмиц, что и указаны в Житии Сергия Радонежского. Выясняется, что никакого противоречия этого указания с практикой крещения детей даже в княжеских семьях нет. Нет и заимствования описания крещения Варфоломея из Жития Федора Эдесского, на чем так настаивает Б. М. Клосс. Параллель эта относится к топосам и устойчивым агиографическим формулам, а не заимствованиям. Но даже если поверить Б. М. Клоссу и признать, что указание на 40 дней при описании крещения Варфоломея в произведении Епифания Премудрого заимствовано из Жития греческого святого, то откуда же в последнем появилось указание на те же 40 дней? Ответа на такой вопрос в книге Б. М. Клосса нет. Между тем крещение спустя 40 дней после рождения было широко распространено в христианском мире. Оно основывалось на том, что женщине разрешалось входить в церковь лишь спустя 6 недель после рождения ребенка⁴⁴. Отсюда и упоминание в Житии Сергия 6 седмиц, кстати говоря, отсутствующее в Житии Федора Эдесского. Собранные Б. М. Клоссом 38 примеров несоблюдения данного правила в княжеских семьях относятся именно к таким семьям. Князья имели домовые церкви и, соответственно, домовый клир. Не князья шли к клирикам, а клирики шли к ним и крестили детей, когда этого хотели князья. Для Б. М. Клосса, по-видимому, не существует разницы между правящими и сословными группами средневекового общества. А ведь княжеский мир — это свой, особый мир. Там даже имена давались вполне определенные. Среди них не было ни Варлаамов, ни Сергиев, ни Епифаниев, ни Пахомиев. И Сергей Радонежский родился не 29–30–31 мая, как вполне серьезно, но совершенно несуразно пишет Б. М. Клосс⁴⁵, а 3 мая. Однако какого года?

очень лаконично, не приводя доказательств достоверности и репрезентативности тех фактов, на которых он основывает свои характеристики. Вместо доказательств на каждой странице следуют отсылки к последующим изысканиям: «см. подробнее в 3 части настоящей книги» (С. 17), «см. раздел в 3 части книги» (С. 18), «см. 3 часть настоящей книги» (С. 19), «см. 3 часть книги» (С. 20), «подробнее см. в 3 части книги» (С. 21), «о чем ниже» (С. 22). Читатель должен постоянно заглядывать в 3 часть книги, чтобы удостовериться в правильности изложения автора. И у последнего совсем не возникает мысли поменять местами части работы, чтобы выдержать последовательность научного анализа и тем самым избежать лишних и неуместных отсылок.

³⁷Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 292. На с. 24 цитата из Жития Сергия приведена Б. М.Клоссом с ошибками.

³⁸Кучкин В. А. Сергей Радонежский // Вопросы истории. 1992. № 10. С. 75.

³⁹Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 24.

⁴⁰Там же.

⁴¹Там же. С. 24–27.

⁴²ПСРА. Т. I. Л., 1926–1928. Стб. 485.

⁴³Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. III. М., 1998. С. 67, 166, печать № 404. Б. М. Клосс, говоря о крещении княжеских детей, использует только поздние святцы и не устанавливает по другим, более ранним источникам, действительно ли княжичи и княжны были крещены в честь устанавливаемых им святых.

⁴⁴Русские. М., 1997. С. 510.

⁴⁵Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 27.

Автор «Избранных трудов» и здесь весьма определен и четок: Сергей родился в год Ахмыловой рати, а была она в 1322 г. В доказательство Б. М. Клосс приводит цитату из Пространной редакции (редакции Е) Жития Сергия Радонежского: святой родился «в княжение великое тферьское при великом князе Дмитриии Михайловиче, при архиепископе пресвященнем Петре митрополите всеа Руси, егда рать Ахмулова»⁴⁶. Заключение Б. М. Клосса возражений не вызывает, но оно сделано на основании усеченной фразы. Математик посчитал, что первые два указания Жития на исторических деятелей, во времена которых родился Сергей, для него излишни. Два этих указания таковы: «в лѣта благочестиваго преславнаго дрѣжавнаго царя Андроника, самодрѣжца гречьскаго, иже въ Цариградѣ царствовавшаго, при архиепископѣ Коньстянтина града Калистѣ, патриарсѣ вселеньскомъ»⁴⁷. Все дело в Каллисте, который стал константинопольским патриархом в 1350 г.⁴⁸ Эта дата никак не согласуется с 1322 г., поэтому Б. М. Клосс и опустил упоминание Каллиста. Между тем данное противоречие в определении времени рождения Сергия вызывало многочисленные споры в научной литературе еще XIX — начала XX в., которые Б. М. Клосс постарался не заметить. Решение было предложено в 1992 г. М. В. Бибиковым, который указал, что дата патриаршества Каллиста в источнике, которым пользовался Епифаний Премудрый, была искажена: вместо правильного $\zeta\omega\nu\eta'$ (6858) было написано $\zeta\omega\kappa\eta'$ (6828)⁴⁹ (в минускульном письме буква ν (ϐ) похожа на букву κ , и они могли быть спутаны). Описка и дала основание Епифанию считать, что Каллист стал патриархом в 1320 г., следовательно, Сергей родился при нем. К сожалению, все это Б. М. Клоссу осталось неизвестным, и он, чтобы не распутывать противоречивых показаний источника, просто прибег к его усекновению, оставив только то, что ему было нужно для собственных построений. Нельзя не признать, что такие способы изучения исторического материала имеют мало общего с наукой.

Далее Б. М. Клосс останавливается на дате переезда семьи Варфоломея-Сергия из Ростова в Москву. Он пользуется свидетельством Жития в редакции Е — фразой матери Сергия, обращенной к сыну еще до переезда: «И двою на десять не имаши лѣт, грѣхи поминаеши»⁵⁰. А если Варфоломею было 12 лет, то «переезд в Радонеж вряд ли состоялся ранее 1334 г.»⁵¹ (имея в виду, что Сергей родился в 1322 г.). Однако в приведенной фразе говорится о том, что Сергию до переезда не было еще 12 лет. В той же редакции Жития указано, что одной из причин переезда был голод, а сам переезд имел место в великое княжение Ивана Калиты. Единственным голодным годом во времена великого княжения Ивана Калиты был 1332 г. Эта дата переезда семьи Сергия Радонежского в московские пределы и названа в литературе⁵². Но Б. М. Клосс ее не обсуждает и не доказывает ее ошибочности, а просто заменяет ее другой, при этом явно неверной датой.

Следующий пункт, на котором останавливает свое внимание Б. М. Клосс — пострижение Сергия. Он сообщает, что это произошло после смерти родителей Сергия. Данный факт бесспорен. Но, рассказывая о конце жизни Кирилла и Марии, отца и матери Сергия, Б. М. Клосс пишет следующее: «Кирилл и Мария под старость ушли в монастырь: “постригостася в мнишескыи чин, отъидоша кыждо ею в своа времена в монастыря своа, и мало поживша лет в черньчестве, преставистася от житиа сего, отъидоста к Богу” (МДА. № 88. Л. 302). Епифаний не пишет, в каком монастыре постриглись Кирилл и Мария, но известно, что похоронены они были в хотьковском Покровском монастыре. Об этом упомянуто уже в жалованной ружной грамоте 1506 г. великого князя Василия III причту церкви Покрова Богородицы “в манастыре на Хотькове,

⁴⁶Там же. С. 22. В изданном самим же Б. М. Клоссом тексте правописание данной фразы иное. Ср. там же, с. 297.

⁴⁷Там же. С. 297.

⁴⁸Grumel V. La Chronologie. P., 1958. P. 437.

⁴⁹Кучкин В. А. Сергей Радонежский. С. 90, примеч. 7.

⁵⁰Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 302.

⁵¹Там же С. 28.

⁵²Кучкин В. А. Сергей Радонежский. С. 76.

где лежат Сергея чудотворца родители, отец его Кирило да мати Марья”»⁵³. Можно бесконечное число раз вчитываться в приведенную цитату, проверяя, не описался ли написавший ее, но итог будет один: цитата точна и свидетельствует о том, что доктор исторических наук не умеет правильно прочесть текст, который взялся истолковывать, а потому не понимает его. «Монастыря своа» — это двойственное число. Епифаний Премудрый говорит, что родители Сергия под старость ушли в монастыри, а не в монастырь, причем каждый — в свой, т. е. отец — в мужской, а мать — в женский. Ни о каком хотьковском Покровском монастыре речи не идет. Не помогает и ссылка на жалованную ружную грамоту 1506 г. Грамота свидетельствует лишь о том, что в начале XVI в. признавали: родители Сергия были захоронены в Хотькове. Однако поздние представления XVI в. нельзя принимать за реальный факт XIV в. Историк обязан различать факт и представление о факте. Если он имеет дело с представлением, то должен доказать, что оно отвечает давней реальности. Однако в «Избранных трудах» демонстрируется совсем иной подход к свидетельствам исторических источников, поздние свидетельства без всякой оговорки объявляются истинными и на них строится исследование.

К чему это приводит, показывает еще один пример, относящийся к тому же хотьковскому Покровскому монастырю. Известно, что Сергия постригал в монахи игумен Митрофан. Именно таков сан и имя этого человека в редакции Е Жития Сергия Радонежского⁵⁴. Б. М. Клосс весьма уверенно комментирует это свидетельство: «конечно же — из своего (т. е. Сергия — В. К.) родового монастыря на Хотькове»⁵⁵. Не будем обращать внимания на определение хотьковского монастыря как родового для семьи Сергия. Последнее означало бы наличие вотчины Кирилла в Радонеже, о чем абсолютно никаких сведений нет. Обратим внимание лишь на то, что по уверениям Б. М. Клосса в Хотькове в первой половине XIV в. существовал Покровский монастырь во главе с игуменом Митрофаном. Уже упоминавшаяся жалованная ружная грамота 1506 г. хотя и упоминает «манастырь» в Хотькове, но адресована она не игумену и братье, а попу и дякону, которые и заботятся о 17 старцах и старицах, «что живут в том же манастырьѣ»⁵⁶. Более ранний документ 40–50-х гг. XV в. также говорит о том, что храм Покрова в Хотькове возглавлял священник («поп»), а не игумен⁵⁷. Очевидно, в Хотькове стояла церковь, а не монастырь Покрова. «Манастырь» ружной грамоты 1506 г., скорее всего, — бытовое название богадельных изб вокруг церкви Покрова в Хотькове, где находили приют престарелые и увечные. Такой «манастырь» стал формироваться не ранее второй половины XV в. (в упомянутой грамоте 40–50-х годов XV в. намек на его существование еще нет). Поскольку в Житии Сергия Радонежского говорится о монастырях, где постриглись родители Сергия, такое понятие не приложимо к хотьковской церкви. Представители естественных наук нередко упрекают гуманитариев в отсутствии в их работах системного анализа используемого материала. В данном случае такой упрек можно переадресовать математику, который выбирает из источников только то, что считает нужным, и совершенно игнорирует противоречащие его представлениям факты. Мало того, в «Избранных трудах» можно прочесть целый пассаж, повествующий, когда именно в XIV в. был основан Покровский монастырь в Хотькове, кто в этом монастыре постригался, кому принадлежал⁵⁸. Все эти указания столь же ценны, как указания по созданию вечного двигателя.

(Продолжение в следующем номере журнала)

⁵³Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 28. Цитаты из источников приведены Б. М. Клоссом неточно. Ср.: там же. С. 305–306 и Акты Русского государства 1505–1526 гг. М., 1975. № 15. С. 24.

⁵⁴Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 309.

⁵⁵Там же. С. 30.

⁵⁶Акты Русского государства 1505–1526 гг. № 15. С. 24.

⁵⁷Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. I. М., 1952. № 232. С. 164.

⁵⁸Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 28–30.